

С.Д. Бодрунов

Судьба науки в России в условиях «новой нормальности»

(Доклад на открытии Пленарной сессии Международного Конгресса «Производство, наука и образование в России: новые вызовы», Москва, 26-27 ноября 2016 г.)

Уважаемые коллеги!

Прежде, чем пройти по теме сегодняшнего доклада, хотел бы обратить Ваше внимание на то, что он базируется на послые, содержащемся в моих работах 2014-2016 годов, по теме НИО.2. Я специально, оперативно, насколько мог, к Конгрессу, издал книгу – «Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка», где представил строго доказанную, как мне представляется, концепцию нового этапа индустриального развития нашей цивилизации, роли в этом процессе знания и технологий, особенностей механизма реализации более-менее комфортного перехода к этому новому этапу общественного развития и – месту в этой парадигме такого важного аспекта, как интеграция производства, науки и образования.

Не буду вдаваться в детали концепции – желающие могли ознакомиться с основными ее тезисами из размещенных Институтом нового индустриального развития материалов по итогам моих докладов в РАН, в Кембридже и Лиссабоне в этом году. Мы также представили Вам возможность посмотреть презентацию концепции и книги в видеоформате.

Полагая, что основы этой концепции вам известны, перейду к докладу по заявленной теме.

Сам термин "новая нормальность", вошедший недавно в широкий околонуучный и особенно "научообразный" оборот, на самом деле не слишком нов. Впервые он был замечен в 2009 году в одном из аналитических отчетов РИМСО (известной американской инвесткомпании), где был использован для обозначения состояния экономики в рамках предложенных ею сценариев/гипотез развития глобальной экономики в посткризисный период.

Что имелось в виду? Конкретно - что в течение последующего достаточно длительного времени (неясно, правда,

каковы хотя бы примерные рамки такого периода!) экономический рост в мире будет слабым, и это, так сказать, некая новая реальность, которую следует учитывать при прогнозировании развития локальных экономик, более того, что это ситуация – "новая нормальность" для мировой экономики. Характерными признаками такой "нормальности" становятся снижение спроса и, соответственно, цен на энергоресурсы, падение инвестиционной активности, нарастание неопределенности развития и т.п.

Многие специалисты в мире, особенно в сфере управления экономикой, отчаявшись разобраться в причинах и следствиях экономических флюктуаций, сценариях и прогнозах развития экономики, с облегчением выдохнув, с определенным удовлетворением подхватили этот лозунг. Он вполне позволяет списать на "новую нормальность" и огрехи предыдущих периодов, и некомпетентность в текущих действиях, и нежелание "влезать" в сложнейшие детали построения новых, адекватных новым вызовам, моделей экономического развития. На нет, как говорится, и суда нет!

В России на этот "удобный" тренд обратили внимание достаточно быстро. Сначала в 2010 году, об американской *New Normal* и об аналогичных явлениях для нашей экономики написала Ксения Юдаева, тогда директор Центра макроэкономических исследований Сбербанка России [Юдаева, 2010, 196]. Затем, в декабре 2011 г. в интервью агентству «Прайм» о «новой нормальности» как факторе оттока капитала упомянул теперь уже бывший министр экономики РФ Алексей Улюкаев [Улюкаев, 2011, 16]. А в январе 2012 года А.Улюкаев об этом уже заявлял концептуально и на высоком уровне: выступая на Гайдаровском форуме, он не только использовал этот термин для объяснения проблем, наметившихся уже тогда в развитии нашей экономики, но и дал некоторые, достаточно хорошо отражающие это понятие, его характеристики [Вардуть, 2016]. К ним он отнес низкие темпы экономического роста, высокую турбулентность на всех важнейших рынках, а также – что особенно важно для объяснения "недоэффективности" и проводимых, да и намечаемых, госмероприятий – снижение эффективности в этих условиях "традиционных фискальных и монетарных инструментов государственного регулирования экономики". Дескать, что тут поделаешь – это ведь новая, объективная "нормальность", в рамках

которой мы сможем осуществлять некоторые, видимо – и на это надо опираться в прогнозах! – но – заведомо малоэффективные действия, и не стоит ждать от них быстрых эффектов... И то, что г. Улюкаев озвучил как некую научную парадигму, было быстро подхвачено специалистами разных уровней, и сейчас мы уже наблюдаем попытку принять ее за базовую, выстроить на ее основе сценарии развития нашей экономики и соответствующую экономическую политику.

Отсюда, что называется, "растут ноги" и пессимистических прогнозов Минэкономразвития¹, и "стрессовых" сценариев. Отсюда - и утрата в какой-то мере веры в возможность реализации оптимистического варианта нашего выхода из поразившего нашу экономику кризиса.

Такая трактовка нынешней экономической ситуации не принята большинством наших экономистов, видящих в ней простую попытку списать все на «обстоятельства». Важно уяснить – что происходит, почему, и – каковы следствия. И что делать?

Предлагаю взглянуть на ситуацию несколько с другой позиции. В глобальном плане, на мой взгляд, все-таки, правы те, кто признает наступление эпохи, некой новой эпохи, нового состояния мировой экономики. И это трудно отрицать. В этом смысле всякое новое в любой системе, изменяющее ее предыдущее состояние, с позиций предыдущего, «нормального» состояния, будет «ненормальным», не отвечающим представлениям предыдущим о том, что «нормально», а что – нет. Но, так или иначе, назвав это состояние «новой нормальностью», описывая ее черты, эти специалисты концентрируются на её нынешнем "облике", не вдаваясь в глубинную суть её "происхождения", "родословную", что не позволяет ни установить формирующие её истинные причинно-следственные связи, ни оценить её возможные последующие эффекты. Отсюда – и неясность – какие решения принимать. Однако, только найдя корни этого явления, мы сможем оценить:

а) объективность либо необъективность наступления эпохи "новой нормальности";

б) её неизбежность либо "необязательность" ее наступления;

¹ см. Д.Е.Сорокин. Недочет // Российская газета, Федеральный выпуск №7086(218)

в) необходимость либо возможность её преодоления;
г) следствия её и вытекающие отсюда пути развития экономики.

Я придерживаюсь такого взгляда: да, многие "беды" (и в этом правы исследователи, концентрирующиеся на локальном подходе к изучению экономических проблем), проистекают от различных частных причин. Их исследования, касающиеся, как правило, предметов, элементов, вырванных из контекста всемирного цивилизационного развития, как части, куска цепи, вполне объясняют причинно-следственные взаимосвязи некоторых звеньев в этом куске; однако этот метод анализа не даёт возможности выйти на "продолжение" цепи, то есть построить адекватную "модель будущего"! А соответственно, и принять некие продуманные в рамках "всей цепи" или, во всяком случае, её "далекообозримой" части, решения, разработать и реализовать адекватную экономическую политику и выстроить под это соответствующие общественные институты.

Сегодняшняя новая ситуация, "новая нормальность" - это реальность. Как говорится – «данная нам в ощущениях»!.. Д.А. Медведев в своей очередной программной статье в последнем номере «Вопросов экономики» даже так и назвал ее «новой реальностью», признав ее некую «ненормальность», отличие от предыдущего состояния. И так, это – новая для нас всех реальность. И – на самом деле – "нормальность". Конечно, новая – в смысле, для нас непривычная. И непроработанная. И свалившаяся на неподготовленное общество – ученых, управленцев, владельцев активов, "массы" народные etc. Причем – и объективно приходящая, и неизбежная.

Почему? Потому что проистекает она из объективных вещей – нынешняя ситуация – это начало перехода к новому этапу нашего цивилизационного развития, стартовому этапу нового индустриального общества очередной (второй?) генерации. *Мы, наконец, подошли к пределу эффективности существующей модели развития.*

Эта модель прошла ряд этапов: от первоначальной эффективности в смысле экономического роста, до времён, когда пришли кризисы как следствия накапливавшихся противоречий развития, в ней заложенных, адекватных ей, обусловленных её

природой. Преодолевались они поначалу «естественными», «нормальными» методами, заложенными в саму модель («классические» циклические кризисы), а затем – все более «сконструированными», «искусственными», не отвечавшими уже ее природе, но продлевавшими её жизнь (регуляторами – страновыми и международными, «мерами» и «конструкциями», «либеральными» или «мобилизационными» моделями...), пока не наступила ... агония?!
Нынешнее состояние мировой экономики, эта самая ее нынешняя «нормальность», – *признаки начинающейся «агонии», завершения нынешней, более-менее привычной модели развития.* Сюда прекрасно вписывается и этим всё объясняется: и мировой «инвестзатык», и энергопрыжки со спросом и ценами на рынке, и волатильность необеспеченных валют, и общая повсеместная растерянность...

Так бывает когда? Всегда, когда начинается новый этап развития, переход к новому состоянию системы, ее «перебалансировке».

Старые устои падают, связи рвутся, возникают новые.

Наступил этап перехода к новой парадигме развития, начала этого перехода, мы об этом уже много говорили, и здесь старые ни модели, ни методы преодоления кризисных явлений не годятся! Потому что еще одной, на мой взгляд, *важнейшей* чертой «новой нормальности», о которой впрямую пока не говорят, но на которую уже обратили внимание многие – *осознание необходимости технологического* развития как **базового пути** цивилизационного движения. В исследованиях ИНИР и автора этого доклада эта проблема поднималась уже не раз.

Я бы даже усилил этот аспект: экономические лидеры будущего, НИО.2, это будут на самом деле лидеры технологические. Я об этом тоже говорил уже не раз, много лет.

А кем будут те, кто не смогут стать лидерами?

Основной ресурс НИО.2 – нематериальные компоненты производства, а знания. И это подтверждается многожды. К примеру, недавно Сбербанк объявил о том, что в ближайший десяток лет он станет зарабатывать в основном не на банковском обслуживании, а на предоставлении т.н. «больших данных». Нефть будущего – знания!

На первых этапах становления НИО.2, очевидно, продолжая инерцию предыдущего развития (никуда от этого не деться, это – родовое, преодолено будет только с дальнейшим технологическим

развитием), лидеры технологические будут упрочивать свои позиции в мировой экономике путем притяжения, концентрации и удержания у себя этого основного ресурса НИО.2 – знаний, становясь странами-производителями знаниеемкой продукции и самого знания. Так сказать – в новой парадигме – «производящими» странами. Посмотрите, дураков нет, и Америка, и Европа, октившись от "постиндустриализационного" (в вульгаризованном виде воспринятого) угара, резко «потасили» назад из Азии свои производства, причем – исключительно высокотехнологические!

А остальные страны? Что будет с ними? Остальные – будут "обслуживающим" сектором мировой экономики. Но, может, для них это и неплохо? Ведь в целом их жители вряд ли будут беднеть, если сравнивать с их сегодняшним состоянием (если слишком будут бедными, не будет рынка для сбыта продукции "производящих" стран, и они этого, конечно, не допустят – не из альтруизма, а в целях самосохранения, консервации и пролонгации своего "производящего" статуса). Но в сравнении со странами-лидерами - они будут постоянно беднеть!

А это значит, впереди – **два** следствия.

Во-первых, до этапа перехода знания в, так сказать, общечеловеческое владение/пользование, без изъятий, что будет основным трендом НИО.2, пока еще очень далеко. Саму длительность такого этапа предугадать невозможно, это зависит от многих факторов, в первую очередь – от темпов НТП, реальной адаптогенности человечества к новым уровням освоения знаний и от других "не слишком экономических" позиций. Поэтому на достаточно длительный период сохраняется возможность неравного/неравномерного доступа людей в разных экономиках как к основному ресурсу (знанию), так и к удовлетворению на этой основе их растущих потребностей.

Во-вторых, посему сохраняется и возможность глобального конфликта «центра» и «периферии» мировой экономики за доступ к основному ресурсу. Такой конфликт нельзя исключить, хотя самой природой своей знания могут способствовать постепенному и "мягкому" сглаживанию этого конфликта, вследствие "растекания" знания, этой его особенности как феномена, переводу развития цивилизации в "бесконфликтную" фазу, в развитое НИО.2.

В этой связи, понимая, что цивилизация наша будет развиваться по пути трансформации в НИО.2, и что тот, кто не вскочил на подножку этого локомотива, "пешком" потом (в обозримой перспективе) его не догонит, нам надо приложить все усилия, чтобы принять модель экономического роста, предполагающую приоритетное развитие высокотехнологичного производства, и – соответствующего развития "знаниепроизводящих" и "знаниевнедряющих" секторов экономики (общо говоря - науки и образования), не забывая о духовном развитии членов общества.

Концептуальная платформа нового индустриального общества второй генерации (НИО.2) подтверждает марксистское предвидение о том, что с развитием капитализма наука станет "непосредственной производительной силой". Однако классики, отметив этот феномен развития общества, не указали детально механизмы такой эволюции науки.

В то же время этот вопрос заслуживает, на наш взгляд, пристального рассмотрения. В последние десятилетия научная деятельность (во всех ее аспектах – организации, затратности, результатах, имплементации в систему общественных потребностей и интересов, и т.д., и т.п.) претерпевает столь радикальные изменения, что впору говорить уже об определенной ее трансформации из исследовательской деятельности традиционно понимаемого типа в нечто новое, отвечающее вызовам процесса общественной трансформации, связанной с началом перехода цивилизации к НИО.2. Внешние черты такой трансформации очевидны. Только за XX-й век количество людей, занятых в непосредственно научной сфере, выросло, по некоторым оценкам, в 60-70 раз. За те же сто лет расходы на научную деятельность выросли, по ППС, более чем в тысячу раз. И, более того, сегодня уже мало кто оспаривает необходимость и неизбежность их дальнейшего увеличения.

Но для оценки перспектив и результатов происходящей трансформации науки недостаточно анализа такого рода внешних параметров процесса; собственно говоря, из такого анализа не определить – а почему это происходит? И куда идем? Стоит же взглянуть на происходящее с позиций НИО.2 – и таковые приоткроются, как чадра восточной женщины под настойчивым взглядом владетельного мужа. Наука как феномен жизни современного социума есть вместилище знаний. Научная

деятельность есть деятельность познавательная, деятельность по созданию, "открытию" новых знаний, метазнаний. Развитие материального новоиндустриального (знаниеинтенсивного) производства в новом индустриальном обществе второй генерации основывается на парадигме приоретизации знания во всех компонентах создания новоиндустриального (знаниеемкого) продукта. Доля знания в таком продукте становится превалирующей, в отличие от времен первых стадий возникновения и становления индустриального производства, когда главную роль играли материальные ресурсы, а себестоимость индустриального продукта преимущественно определялась количеством затраченных сырья/материалов и "малознаниеемкого" труда. Соответственно, все более возрастает роль научного знания как новоиндустриального ресурса, который постепенно и становится базовым ресурсом индустрии нового поколения.

Именно этим обусловлены упомянутые выше наблюдаемые "внешние" трансформационные эффекты в развитии научной сферы. Особенно важно это осознать с точки зрения исследования важнейшего вопроса дальнейшего развития НИО.2 – трансформации интеграционного "треугольника" "производство-наука-образование", являющегося одним из краеугольных "кирпичей" концептуальной платформы НИО.2. В концепции нового индустриального общества Дж.К.Гелбрейта, неявно включающей в себя необходимость такой интеграции, главенствующая роль отводилась производству, оставляя науке и образованию в некотором роде роль подчиненную, "обслуживающую" нужды индустрии. В НИО.2 их позиции смещаются – базовую роль в "треугольнике" все более играет знание, становясь драйвером знаниеинтенсивного производства. Фактически знание, становясь основным производственным ресурсом ("непосредственной производительной силой"), в значительной мере "замещает" "матчасть" в новоиндустриальном производстве (а точнее, не только «надстраивается» над техникой, но и насыщает собой техносферу, занимая в ней все большее место).

В этой связи для оценки текущего состояния и перспектив происходящей трансформации науки представляется целесообразным сравнить процессы, происходившие в сфере

индустриального производства, и некоторые тенденции развития научной сферы на современном этапе.

Как мы помним, возникновение и развитие индустриального производства было тесно связано с переходом от индивидуального труда мастера к производству массовому. Именно этот переход сделал возможным развитие капиталистических отношений – и главным капиталом стало обладание производственными мощностями, обрабатывающими базовые - материальные – ресурсы, и производящими индустриальный продукт. "Капитализация" индустриального производства породила не только изменение общественных отношений; она привела к изменению и самой производственной сферы. Можно приводить многие и многие аспекты и черты таких изменений ("капиталистические" формы использования ресурсов, обращения с продуктом/товаром – маркетинговые технологии, "продвижение" и т.п., организации "бизнес-процессов" и процедур...) – однако в этом нет нужды: они хорошо известны и вполне осязаемо очерчивают определенную траекторию исторического развития индустриального сектора упомянутого "треугольника".

Повторит ли эту траекторию развития наука, став базовым ресурсом и главенствующим драйвером развития в производстве новоиндустриальном? Многие черты подтверждают, казалось бы, становящуюся все более очевидной истину – да, научная сфера во многом повторяет путь развития сферы производственной. Мы наблюдаем те же тенденции перехода от индивидуализированного труда ученого к "массовой науке", концентрации "научных мощностей", если говорить об организации научной работы. В экономическом аспекте мы наблюдаем "монетизацию" науки, "капитализацию" научной сферы. Результаты научных исследований превращаются из чистого "произведения ума" в "научный товар", с применением к нему товару всех методов рыночного обращения (все тех же методов PR, маркетинга, повышения "рыночной стоимости" и "капитализации"...). А творческий акт получения индивидуального научного знания превращается в "производство научной продукции", все более носящее утилизированный, целевой характер. Даже фундаментальная наука вынуждена доказывать свою рыночную ценность. На все компоненты научной деятельности все большее влияние оказывают новые технологии (и даже вылезают "родимые

пятна" обратной стороны концентрации мощностей – к примеру, бюрократизация исследовательских процессов). Научная деятельность постепенно "индустриализируется".

Будет ли так всегда?

На сегодняшнем этапе развития общественного производства – этот процесс объективен и неизбежен. Пока производительные силы функционируют в рамках современных общественных отношений – наука, становясь "непосредственной производительной силой", занимая место базового ресурса и, соответственно, базового капитала, будет неизбежно повторять траекторию развития любого ресурса, составляющего основу капиталистических отношений. Таким образом, мы можем предугадать многие будущие повороты этого пути (и – упредить, заметим, многие проблемы и "буераки"!).

Многие – но не все. Концепция НИО.2, предполагающая не только развитие новой индустрии как способа материального производства на качественно новой технологической основе, но и трансформирование в новое качественное состояние общественных институтов, исходит из "особости" знания как общественного феномена. Эта "особость" – в том, что, в отличие от материального ресурса (основы традиционного индустриального общественного устройства), знание, как бы его ни "упаковывали" в рамки придуманных человеком границ и правообладаний, в принципе – "размножаемо", несокровенно, неиндивидуализируемо etc! "Особость" его – и в способе усвоения ("присвоения") его человеком. С развитием НИО.2, повышением доступности заносимого продукта (становящегося при этом все более "индивидуализированным"), изменится и роль знания, и способы его использования и "добычи", с возвратом к их изначальной – преимущественно творческой – сути. Поэтому уже сейчас стоит задуматься над тем, – и здесь я задам нам всем постановочный вопрос – как в рамках современных капиталистических отношений, неизбежно требующих «капитализации» знаний и накладывающих ограничения на их свободное распространение для защиты конкурентных преимуществ (да и просто для возмещения издержек на НИОКР), найти пути и способы развития науки, преодолевающие это противоречие и возможно более широко открывающие дверь для творческого процесса.

Спасибо!